

Бартенева Ирина Юрьевна

[ПРАВОСЛАВИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ \(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВВ.\)](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/7/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 7 (38). С. 10-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. **Битва богов и демонов. Сканды пурана** / пер. с санскрита О. Ерченкова. М.: Амрита-Русь, 2008. Кн. 1. Махешвара Кханда. Разд. 2. Кумарика Кханда. Гл. 14-21.
2. **Гадупада. Мандукья-карики** [Электронный ресурс]. URL: http://www.advayta.org/item/000002/?text_id=134 (дата обращения: 17.06.2010).
3. **Игнатъев А. А.** Сказание о Шиве и дочери гор: из Калика-пураны. Калининград: Санатана Дхарма, 2010.
4. **Калика-пурана** / пер. с санскрита, предисл. и коммент. А. А. Игнатъева. Калининград, 2006. Гл. 1-20.
5. **Радхакришнан С.** Индийская философия. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008.
6. **Braude Donald A.** Maya in Radhakrishnan's thought: six meanings other than illusion. Delhi, Varanasi, Patna, Madras: Motilal Banarsidass, 1984.
7. <http://www.advayta.org/cat/?id=219>

УДК 281.9

*Ирина Юрьевна Бартенева**Государственный университет - Высшая школа экономики*ПРАВОСЛАВИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)[©]

Национальный и религиозный вопросы на протяжении многих веков были тесно связаны друг с другом, особенно в случаях присоединения территорий, длительное время развивавшихся вне сферы христианства.

Основная часть населения Туркестана на 96% оставалась мусульманской, и лишь 3,7% исповедовало Православие [16]. Однако, следует отметить, что хотя ислам и сохранил свое влияние на большинство населения Туркестана, сам регион после массового переселения сюда представителей различных конфессий, превратился в полиэтничный и поликонфессиональный «Котел». Православие оставалось основой российской государственности в Средней Азии, но провозглашая невмешательство в дела Ислама, Министерство внутренних дел Российской империи пыталось приобщить к христианству и к русской культуре языческие народы, а также предохранить переселенцев от поглощения их исламом. Православие на территории Кыргызстана стало активно развиваться с началом массового переселения российских крестьян и казаков. Первыми были сибирские казаки, поселившиеся в северной части Семиречья. Около казачьих укреплений, в которых обустраивались походные военные церкви, как неотъемлемой части жизни общества, селилось мирное население - купцы и крестьяне.

Православные приходы организовывались в различных поселках и городах Центральной Азии по мере продвижения российских войск: в 70-х годах XIX в. - на территории Кыргызстана. Первоначально все они были военными, но с появлением в Туркестане переселенческого населения, православные приходы утрачивали свой военный статус, а затем уже отстраивались постоянные церкви. Так, первая на территории республики церковь, бы была сооружена в с. Теплоключенка. В 1871 г. императорским Указом было утверждено решение Св. Синода о создании Ташкентской и Туркестанской епархий, которые начали функционировать с 1872 г. По инициативе первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана епархия была устроена в Верном - центре Семиреченской области. Именно здесь проживало подавляющее большинство православных жителей (три четверти населения края), в то же время краевые власти не желали, чтобы рядом с ними была архиерейская власть. Св. Синод назначил на должность первого туркестанского архиерея Софония. Позже было утверждено и «Положение» об епархиальных службах. Военное духовенство оставалось в подчинении Главного священника Армии и Флота. Финансирование туркестанской православной церкви было существенно ниже финансирования других епархий. Государство мало заботилось о материальном положении духовенства, а помощь прихожан была ограниченной.

Помощь православным верующим в строительстве храмов оказывало государство, меценаты и различные благотворительные общества, в частности, Семиреченское православное церковное братство, инициатором создания которого стал генерал-губернатор Г. А. Колпаковский. Но недостаток в православных храмах ощущался довольно остро. В ряде мест Туркестанского края ввиду отсутствия церквей богослужения проводились в помещениях, предназначенных для других целей - школах, сельских правлениях, почтовых станциях и пр. Иногда эти здания, «после списания», передавались под молитвенные дома [7].

Фактически, православные верующие находились в более тяжелом состоянии в плане религиозном, чем мусульманское население, хотя в создании храмов помогали и представители мусульманского духовенства, жертвуя средства на строительство церквей [11]. Создание тех или иных храмов на территории Кыргызстана связано с именами исторических личностей.

Так, например, в сборе средств на строительство Храма Архистратига Божия Михаила в с. Беловодском принимали участие первый атаман семиреченских казаков генерал-губернатор Семиречья Г. А. Колпаковский, а также военный врач В. М. Фрунзе отец Михаила Фрунзе. В результате всенародных усилий было собрано 40 тысяч рублей, (для сравнения: в те годы корова стоила 2-3 рубля). В 1885 г. в этом храме был крещен М. В. Фрунзе [13].

Лишь в 1888 г. в церковном строительстве в крае наметились перемены. Это было связано с отчетом генерал-губернатора Н. О. Розенбаха, в котором он честно показал реальное положение дел в церковном строительстве Туркестанского края. После чего император Александр III собственноручно написал на его докладе: «Пора привести в должный вид православные церкви! Действительно стыдно!». В последующие годы из тридцати церквей, построенных в Туркестанском крае, двадцать две были сооружены на средства государственной казны [5; 9]. Так, к 1900 г. в Пишпекском благочинии было десять церквей. В других районах Киргизии действовало еще около пятнадцати храмов. За первое десятилетие XX в. число православных храмов здесь выросло более чем вдвое. К 1917 г. на территории Киргизии было более двухсот русских и украинских населенных пунктов, в каждом из которых имелся храм или молитвенный дом, на Иссык-Куле был основан мужской монастырь во имя Пресвятой Троицы, хотя полностью проблемы в обеспечении православных верующих храмами до конца так и не были решены [7].

В книге П. П. Литвинова «Неисламские религии Средней Азии» исследуется положение православного духовенства в Средней Азии, которое первоначально было «душой» русского общества в Туркестане, но в связи с невысоким материальным благосостоянием и невысоким уровнем профессионализма - утратило свое изначальное предназначение. Тем более, что иногда в священнический сан возводились выходцы из солдат, окончившие курс в духовном училище. В годы Первой мировой войны положение духовного кадрового состава также не улучшилось. Положение духовенства еще более ухудшил Указ Св. Синода от 31 августа 1907 г., гласивший, при открытии приходов «не требовать постройки домов для причта средствами самих прихожан», а назначить дополнительную плату для найма жилья [17]. Цены на жилье были высокими и священнослужители были не в состоянии его оплачивать [7], и, соответственно, уровень их материального благосостояния падал из года в год.

Служба в Туркестане для духовенства была малопривлекательной, что делало практически невозможным приезд в край опытных священнослужителей, что, в свою очередь, затрудняло дело окормления паствы. Не каждый желал служить также и в сложной полиэтнической и поликонфессиональной обстановке.

Во многих приходах вообще не было священников, и крестьяне обращались к правящему архиерею по этому поводу со «слезницами» - прошениями назначить к ним в приходы священнослужителей. Некоторые священники окормляли сразу несколько приходов. Положение было не из легких, а требовались такие священнослужители, которые были бы хорошо знакомы с местными условиями и особенностями проповеднической деятельности в крае [9].

Туркестанское духовенство было неоднородным в своей основе. Наряду с такими яркими личностями, как о. Андрей Малов, епископ Димитрий (Абашидзе), Г. Ширяев, И. Зеленицкий, В. Покровский, К. Богородицкий, были и десятки других, которые честно выполняли свой долг и были любимцами паствы [7]. Но были и такие, которых епископ Димитрий (Абашидзе) преследовал за «вольномудство» и «революционаризм» [Там же]. Тем более, что военное духовенство не имело права «принимать участия в каких бы то ни было политических партиях» [25].

Сложные личные отношения между епархиальным руководством и туркестанской администрацией мешали развитию церковного дела в крае. К примеру, в адрес епископа Димитрия высказывалась критика не только представителями администрации туркестанского края, но и депутатами Государственной думы. Сторонники епископа отреагировали на критику письмом в «Туркестанские ведомости». В нем говорилось, что «... высказанная депутатом Каменским характеристика преосвященного Димитрия не отвечает действительности... Преосвященный Димитрий, приняв в 1906 г. в управление не вполне устроенную Туркестанскую епархию, сумел ... в сравнительно короткий период (1906-1910 гг.) установить в окраинной нашей епархии нормальную жизнь и заслужить глубокое уважение со стороны всего православного населения Туркестана. ...Основал свой печатный орган, созвал 1-й епархиальный съезд духовенства, организовал по приходам общества трезвости, ...кассу взаимопомощи, похоронную кассу, религиозно-просветительные общества (в Ташкенте и в Верном), пастырские собрания, оживил церковное проповедничество в епархии, учредил уездные соборные храмы, открыл много приходов в городах и селах с достаточным материальным обеспечением духовенства, поддержал православную миссию, поднял образовательный ценз духовенства привлечением лучших сил из Центральной России, возбудил ходатайство перед Св. Синодом об открытии духовной семинарии...» [24].

Письмо было подписано священниками, диаконами, представителями приходов, церковными старостами (всего 44 подписи). Анализ документа позволяет сделать вывод о том, что епископом Димитрием был внесен огромный вклад в оживление жизни Туркестанского края; а также то, что туркестанское общество высоко оценило его труды, и когда потребовалась защита популярного пастыря - оно тут же отозвалось. В 1912 г. епископ Димитрий был переведен из Туркестанского края. Это свидетельствовало о борьбе Св. Синода с теми представителями православного духовенства, авторитет которых был достаточно высок на местах, и которых так не хватало в Туркестане.

Практика Синода по замене епископов через небольшие промежутки времени сказалась на дехристианизации православного населения Туркестана, которое так же, как и в Центре, постепенно отдалялось от церкви, о чем свидетельствуют клировые ведомости за 1916-й год [26].

Ухудшению отношений православного населения с мусульманским окружением в Туркестанском крае послужила также выдача земель, отводившихся под будущие мусульманские кладбища, а также вопрос религиозного ренегатства [6; 8].

Миссионерская деятельность православной церкви в Туркестане ограничивалась властями из-за опасности возмущения мусульман, но, тем не менее, имело место и принятие православного вероисповедания отдельными представителями других конфессий [11]. При М. Г. Черняеве была образована Комиссия для выработки проекта особого духовного управления для мусульман края, но она вскоре была распущена. В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем, предусматривавшее широкую местную автономию, но это привело к падению авторитета власти и ослаблению нравственности со стороны местного населения [13].

Поселенцы, оказавшись в мусульманском окружении, иногда начинали перенимать мусульманский образ жизни, а иногда и переходить в Ислам, в другие конфессии и секты, которых на территории Туркестана было множество. Но самое главное в ренегатстве Туркестана, скорее всего, это маловерие, или отсутствие веры вообще [11].

Документы опровергают бытовавшее мнение об активной миссионерской деятельности православных священников и монастырских служителей среди местного мусульманского населения. Основное свое предназначение православные церкви и монастыри видели в распространении форм российской цивилизации среди кочевников-мусульман, а также в просветительской деятельности у православного населения края.

Исторические документы свидетельствуют о том, что в Туркестане, также как в европейской части Российской империи, происходил процесс дехристианизации, он проявлялся не только в отказе от духовных ценностей Православия и церкви, но и в переходе в иные конфессии. Все это вместе взятое еще более ухудшало положение Русской Православной Церкви в Туркестане, которая была не в состоянии в полной мере выполнять все возложенные на нее функции [7]. Туркестанская администрация не видела в церкви той силы, которая могла бы оказать ей помощь в решении стоявших перед ней задач по освоению края.

После вхождения Кыргызстана в состав России и введения нового административного управления в 60-80 гг. XIX века этническая картина быстро менялась. Жившие ранее в других общественно-экономических и этнокультурных условиях, воспитанные по законам христианской этики, русские принесли с собой не похожий на киргизский уклад жизни и особенности семейного воспитания. В русских семьях с давних пор родители воспитывали у детей стремление жить в мире, дружбе, любви к труду, человеку: в семейном воспитании осуждались лень, тунеядство, плутовство [15].

Жизнь православной семьи в Туркестанском крае и на территории современного Кыргызстана была также связана с законами Российской империи. Основную часть переселенческого населения составляли крестьянские семьи, жизнь которых строилась, в основном, по традиционному патриархальному принципу. Так, перепись населения 1897 г. показала, что на рубеже XIX-XX-го веков у переселенческого населения Кыргызстана брачность была всеобщей [10]. Основой этих процессов были традиции семейных отношений, религиозные нормы и хозяйственный уклад населения.

Так, доля русских мужчин, состоящих в браке в возрасте 15-19 лет была 7,2% , а женщин - 59,1% [Там же], что говорит о вступлении мужчин в брак в более «солидном» возрасте.

Расчетный средний возраст вступления в первый брак у русских и украинских мужчин - 27 лет, женщин - 16,8 лет, а возрастная разница между вступающими в брак - почти 10 лет [Там же], что также свидетельствует о том, что мужчины женились после того, как могли позволить себе экономическое обеспечение семьи. Женщины же, по законам Российской империи, имели право вступать в брак в соответствии с благословением своих родителей - с 16 лет.

Доля 20-24-летних никогда не состоявших в браке русских мужчин составляла 70,6%, а среди женщин - 3,3% [Там же], что также свидетельствовало о традиционном подходе к созданию семьи, согласно которым большинство женщин в этом возрасте уже были замужем. В то же время, доля разведенных и разошедшихся в возрасте 20-49 лет русских мужчин - 0,1%, женщин - 0,1%, а у украинцев данных о разводах вообще не оказалось, что свидетельствовало о крепких семейно-брачных отношениях [Там же].

В конце XIX - начале XX вв., в среде православных переселенцев, получило распространение религиозное ренегатство. Как свидетельствует П. П. Литвинов [8], в начале XX-го века в Российской империи были приняты два документа, сыгравшие не последнюю роль в дехристианизации населения Туркестана: «Об укреплении начал веротерпимости» (1905) и Указа об изъятии карательных статей 176-195 из «Уложения о наказаниях» (1885). Согласно этим документам православным гражданам Российской империи разрешалось переходить в разрешенные законом христианские вероисповедания, но переход в ислам был категорически запрещен. Здесь усматривался подрыв российской государственности и христианской цивилизации.

Немногочисленное православное население Туркестана постепенно начинало «омусульманиваться»: широкое распространение получил обычай уплаты калыма, продажа дочерей за калым женихам-мусульманам. А в связи с отсутствием достаточного количества храмов и священнослужителей - они теряли связь с христианством: отказывались от крещения детей, венчания браков [Там же].

Примерно две трети переходов в Ислам приходилось на долю женщин, большинство из которых выходили замуж за мужчин-мусульман, чаще всего, из-за тяжелого материального положения, неспособности родителей опекать молодую девушку, а также пьянства и разгульного поведения мужей в христианских семьях. Оставшись иногда без средств к существованию, с малыми детьми на руках, женщины вынуждены были принимать предложения мужчин-мусульман, выходить за них замуж и принимать ислам. Но были и такие, которые, связав судьбу с мужем-мусульманином, бросали своих детей и не поддерживали больше с ними никаких отношений [Там же].

Среди мужского православного населения также происходили изменения. Наряду с созданием, в большинстве случаев, традиционных семей, часть переселенцев женилась на мусульманках и принимала ислам, стараясь скрыть это от официальных властей, боясь наказания за вероотступничество. Другие, принимая ислам, пытались скрыться от воинской повинности. Третья - принимала ислам по причине его «соблазнительных признаков» (многоженство и пр.). Четвертая - по материальным соображениям. Пятая - боясь потерять работу [Там же].

Но были единичные случаи перехода в ислам и целыми семьями, связанные с тяжелым материальным положением переселенцев. Помощью, оказываемой мусульманской общиной ренегатам в приобретении земельного надела, инвентаря и пр. действиями [17]. Таким образом, нерасторопность российских туркестанских властей способствовала переходу переселенцев из православия в Ислам, оказывало негативное влияние на общую обстановку в крае, разлагая Православие. И, хотя церковь пыталась противостоять влиянию Ислама на православных переселенцев, широкомасштабных действий в крае так и не было проведено.

Активную работу в Туркестане, и в Кыргызстане в частности, проводили женщины: жертвовали средства на строительство храмов. Так, купчиха П. Медынцева завещала Православной церкви свое состояние в 783 266 руб. 62,5 коп., из которых 7 тыс. руб. было перечислено на строительство церквей в Средней Азии. Ташкентская мещанка Е. Пасмурова пожертвовала в фонд строившейся церкви во имя св. Сергия Радонежского чашу, дискос и другие предметы церковного убранства [16].

Женские организации края организовывали благотворительные концерты, собирали средства для нуждающихся и бездомных. Правда, роль их, особенно в Туркестане, была не очень заметна, поскольку православные женщины по всей Российской империи, и в том числе в Кыргызстане, занимались благотворительностью под «покровом Церкви», и рекламировать свою полезную деятельность в Православии считается предосудительным.

Структура благотворительности Русской Православной Церкви подробно исследована О. Р. Каретниковой [4].

Первой ступенью благотворительности она называет тарелочные, кружечные и кошельковые сборы, проводимые во время богослужений на определенные нужды. Так, с 1902 по 1916 гг. проводились сборы в пользу Палестинского общества на восстановление Православия на Кавказе, на распространение Православия между язычниками империи, в пользу Красного Креста [24].

Прихожане жертвовали средства на содержание церковно-приходских школ, на содержание братства во имя Царицы Небесной (приюта для детей слабоумных и эпилептиков), на строительство церквей в Томской губернии, Тульской епархии, на создание храма-памятника под Лейпцигом, памятника Петру I в гор. Ревель, на устройство в Москве музея 1812 года, на строительство храма в память моряков, погибших в Японии, на нужды богомольцев в Святой Земле, в пользу нуждающихся славян, на призрение бедных духовного звания и многое-многое другое [Там же]. Причем, сборы проводились под строгим контролем властей и епархиального начальства.

В ноябре 1915 г. было опубликовано воззвание от Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам (более 200 тысяч) и их семьям [23]. В период восстания 1916 г. духовенство Туркестана организовало сбор пожертвований в пользу беженцев, а также на военные нужды, и само активно участвовало в этих сборах.

Ошская уездная комиссия Ферганского Отделения Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны организовала сбор средств на:

- выдачу пособий многодетным семьям;
- учебные пособия для новой школы; одежду и учебники сыну солдата;
- продовольственные пособия:
 - а) праздничные пособия к Пасхе;
 - б) ткань (ситец) к Пасхе [Там же].

Этой же благотворительной организацией собирались средства:

- на создание детских приютов, яслей, мастерских и др. видов трудовой помощи;
- на трудоустройство женщин и др. [24].

Причем каждый желающий мог активно содействовать именно тому делу, которое, по его мнению, являлось наиболее необходимым в данный момент.

Второй ступенью благотворительности являлась деятельность церковно-приходских попечительств. По положению 1864 г. на них возлагались «попечение о благоустройстве и украшении церквей, о школах и благотворительных учреждениях в приходах и об устройстве помещений для причтов и улучшении способов их содержания» [4].

В 1885 г. из расходных сумм Семиреченского местного управления израсходовано на оказание помощи жителям селения Токмакского уезда, пострадавшим от землетрясения, 300 руб. (распределены между крестьянами Сокулук, Карабалта и Беловодского) [20].

Только за ноябрь попечительными советами восьми приходов 1-го Пишпекского благочиния оказана помощь 84 семьям призванных на военную службу - им было выдано 19 пудов пшеницы, 3 пуда ячменя, и еще 338 руб., из которых 98 собраны советами и 240 отпущено сельскими обществами [4].

В начале XX-го века в Указе Его Императорского Величества прозвучала, скорее, просьба, обращенная к Церкви, «взять под свое пастырское попечение работающих и на фабриках, заводах и в промышленных заведениях православных людей, особенно женщин и детей».

Третью, верхнюю ступень благотворительной деятельности образовали крупные организационные центры - благотворительные общества и братства, членами которых состояли не только духовные лица, но и многие представители имущих классов православного населения. В их числе были Всероссийское общество Красного Креста, Воинское благотворительное общество Белого Креста, Православное Казанско-Богородичное братство Туркестанской епархии и многие другие, деятельность которых широко практиковалась в крае. Они занимались учреждением школ и приютов для круглых сирот, заботились об устройстве полусирот и детей «недостаточных родителей», родильных покоев, богаделен, приютов сирот и вдов, приютов-яслей, ночлежных приютов и дешевых столовых [18].

Проповеднические общества открывали в крае библиотеки, устраивали народные чтения на различные темы, такие как «О вреде пьянства», «Отношение христианства к природе», «Минеральные источники Семиречья». Причем, они посещались не только переселенцами, но и местными жителями. Лекторами являлись священники церкви Ташкента.

Причем, к благотворительным акциям Церкви привлекались представители всех национальностей и вероисповеданий генерал-губернаторства.

Помимо перечисленных организаций средства на благотворительность поступали от станичных обществ, членских взносов офицеров и чиновников, из войсковых денег, единовременных пособий, от различных аукционов (в частности, продажи старой обуви) [21]. Из этих же средств выделялись деньги на постройку зданий на Исык-Атинских минеральных водах [22].

Для реализации школьной политики в Туркестане правительство Российской империи еще в 1876 г. организовало Управление учебными заведениями Туркестанского края. За 20 лет существования Управления количество учащихся увеличилось с 675 до 5003 человек [1].

Здесь предполагалось открыть уездные училища (начальные школы) с четырехлетним общеобразовательным курсом обучения и ремесленным классом, и начальные школы грамотности. Первый тип школ предназначался для уездных городов и пунктов с оседлым населением, а второй - для детей русских «простолудинов» и кочевого коренного населения края. В программу уездных школ входило преподавание Закона Божьего (для русских), русского языка, землеописания, счета целых, простых, дробных и десятичных чисел, элементарного черчения в применении к ремеслам.

Наряду с приходскими училищами на территории Киргизии существовали и церковно-приходские школы (ЦПШ), подведомственные Туркестанскому епархиальному училищному совету [19], а также монастырские начальные школы, в которых обучались сироты, призреваемые или дети неимущих родителей.

Как и в европейской части России, основным элементом образования в крае, было преподавание Закона Божьего в русских учебных заведениях всех типов. Хотя из-за низкой квалификации преподающего духовенства, слабого материального обеспечения процесса религиозного обучения изначально оно находилось на невысоком уровне, и попытки туркестанской администрации и епархиального руководства улучшить положение не увенчались успехом.

После присоединения края к России, вопрос преподавания Закона Божьего волновал переселенческое население Туркестанской епархии и неоднократно поднимался руководством народных училищ и преподавателями школ на педсоветах и учительских съездах: «...Преподавание Закона Божия ведется священнослужителями церкви и в большинстве случаев к делу преподавания они относятся индифферентно. Причинами к этому нужно поставить ничтожное содержание, ... работать же из чести или гражданского чувства способен не всякий. Большинство таких преподавателей не знакомо с методическими приемами. Посещение треб также заставляет преподавателей negliжировать уроки Закона Божия. ... оо. (отцы - автор) законоучители неаккуратно посещают уроки Закона Божия», «... передать преподавание Закона Божия учителям, что может послужить подспорьем к ... содержанию начальных учителей» [27]. «Необязательное преподавание Закона Божия священнослужителями и допущение учителей к занятию по этому предмету» [Там же].

С позицией учителей-предметников категорически был не согласен епископ Димитрий (Абашидзе), которым в марте 1910 г. по всем причтам был разослан специальный циркуляр, который не только констатировал факт уклонения духовенства от нормальной постановки преподавания Закона Божия в школах, и отношение руководства школ к преподаванию данного предмета, но и выразил сожаление о том, что духовенство пропускает уроки, а также предупредил о суровых мерах наказания, которым будут подвергнуты виновные [24].

Споры по вопросу преподавания Закона Божьего стали камнем преткновения между духовенством Туркестана и светской составляющей школьной системы образования, что ухудшило их отношения и привело к жалобам на епископа Димитрия.

Духовенство Туркестана объясняло важность преподавания Закона Божьего следующим образом: «...Цель преподавания Закона Божия - знакомство с христианской религией и кратко с другими религиями людей. Учащиеся знакомятся с основными догматами христианской религии, с ее обрядами, ...в них воспитывается осмысленное религиозно-нравственное чувство. ...Научить учеников молитвам, но не механически их заучить, а чтобы ученики ясно понимали, что они просят у Бога, или за что они его благодарят, чтобы могли понимать смысл молитвы. ...Параллельно с прохождением молитвы преподаватель должен знакомить учеников с относящимися с ним фактами из Св. истории...» [Там же].

То есть речь шла не только о нравственном воспитании учащихся, но и о расширении их научного кругозора и исторической памяти.

Для достижения согласия в этом вопросе, была создана Комиссия о правильной постановке занятий по Закону Божию и 23 и 24 августа 1910 г. ею был составлен протокол об улучшении преподавания предмета: «...Присутствовали: священники... учителя...»

Слушали:

2. Об учебниках и учебных пособиях по Закону Божию.
3. О связи уроков церковно-славянского языка с уроками Закона Божьего.
4. О посещении учащимися храма в воскресные и праздничные дни.

В воскресные и праздничные дни ученики под наблюдением учителя должны присутствовать при служениях и привлекать учащихся в читках, ... и прислуживании в алтаре» [27].

Помимо аудиторного преподавания Закона Божьего, существовали и практические способы православного воспитания учащихся в государственных и частных училищах и гимназиях. В годы Первой мировой войны, к примеру, школьников и гимназистов привлекали к участию в благотворительной деятельности, организованной приходскими попечительствами и православными братствами. Для детей служили молебны по поводу начала учебного года, праздников, царских дней в честь памятных событий из жизни императорского семейства. В 1910 г. в Пишпекке были созданы два храма при учебных заведениях: во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия - при мужской гимназии и во имя святой великомученицы Екатерины - при женской.

В результате долгих и многотрудных «дискуссий» церковь отстаивала свое право на преподавание Закона Божьего священнослужителями, о чем свидетельствует доклад духовенства «К вопросу об увеличении времени прохождения курса обучения в начальных сельских одноклассных училищах до 4-х лет». Согласно доклада в первый год обучения предполагалось изучить 11 молитв; на втором - изучить Ветхий Завет, на третьем - изучить Новый Завет и четвертый год обучения должен был быть посвящен изучению краткого Катехизиса и учения о богослужении.

Параллельно с Законом Божьим преподавались и светские предметы (русский язык, математика и пр.) [Там же].

Другим важнейшим звеном в православном религиозном образовании в Средней Азии были церковно-приходские школы. В Центральной России государство уделяло развитию этих школ большое внимание, и на рубеже XIX-XX вв. их насчитывалось 25,5 тыс. В это же время в Туркестане функционировало не более 50 церковно-приходских школ. Численность последних в регионе возросла заметно лишь в годы «стольпинского» переселения, но и накануне революции 1917 г. их насчитывалось немногим более 90.

Неразвитость церковно-приходского образования в Средней Азии обуславливалось недостатком государственных средств и слабой педагогической подготовки священников, к тому же не получавших специальной платы за обучение детей. Епархиальные власти пытались развивать церковноприходское образование за счет отчислений от приходских доходов, но они были не слишком велики и, фактически, церковно-приходские школы в Туркестане функционировали благодаря меценатам.

В церковно-приходских школах контингент девочек был гораздо выше, чем в школах грамоты, да и преобладали именно такого типа школы, поскольку они работали там, куда другие формы школьного образования пойти не могли.

В формирующемся в этот период многонациональном обществе Туркестана происходит столкновение двух образов мира - того, что принесли с собой переселенцы и традиционного для Средней Азии, а также стандартов и норм поведения, отношения к миру и людям.

Только в 1879 г. в Ташкенте открылась Туркестанская учительская семинария, которая стала готовить светских преподавателей для начальных школ. Туркестанские архиереи придавали этой семинарии большое значение. Владыка Аркадий, седьмой епископ Туркестанский, при вступлении на должность в 1898 г. посетил все училища и гимназии Ташкента, осмотрел все церкви при учебных заведениях и особенное внимание уделил Учительской семинарии. Как пишет церковный историк В. Заславский, «все понравилось владыке в семинарском храме, ... Посещение семинарии Его Преосвященство закончил архипастырским наставлением учеников, чтобы они с особенной тщательностью и усердием изучали Закон Божий, так как им предстоит нести свет Христова учения в самые дальние селения Туркестанского края и быть там помощниками пастырем церкви в деле религиозного воспитания русского народа... Посещение учебных заведений в этот день Его Преосвященство закончил визитом к главному инспектору училищ Туркестанского края. Владыка выразил свою искреннюю радость, что отсутствие в крае духовно-учебного заведения в известной мере восполняется благоустроенными светскими учебными заведениями» [3].

Программа Учительской семинарии была рассчитана на четыре года и включала Закон Божий, церковно-славянский и русский языки, педагогику, дидактику, логику, отечественную историю и другие предметы. Эта семинария, дававшая среднее образование, выпускала от 10 до 23 учителей [4] и, конечно, не могла обеспечить учительскими кадрами все начальные школы Туркестана. До самой революции продолжалось активное участие церкви в организации начального образования [12].

Всего в епархии к 1898 г. функционировали: 21 церковно-приходская и 19 школ грамоты, из которых две - мужские, восемь - женских и 30 совместных. В них училось 1100 мальчиков и 600 девочек. Небольшое количество учащихся объясняется тем, что штаты были не укомплектованы полностью, до школ было сложно добраться, дороги были в ужасном состоянии, к климатическим условиям необходимо было еще привыкнуть, не хватало средств на постройку школ. К 1901 г. добавилось только пять церковно-приходских школ; в 1907 г. их стало в общей сложности 54: пять - двухклассных, 37 - одноклассных, 12 школ грамоты. К этому же году при всех церковных школах епархии были открыты библиотеки, которыми пользовались бесплатно, как и учебниками. Так, в 1900 г. библиотеки церковно-приходских школ насчитывало 710 наименований, что выражалось в 1862 тома книг [24]. Кроме религиозно-нравственной, там была литература по истории, географии, ремеслам, сельскому хозяйству, естествоведению, а также беллетристика.

В ЦПШ Туркестана обучались в основном дети из низших сословий общества. Управление школами осуществлялось епархиальными властями. Последние создали в 1884 г. Училищный совет во главе с архиереем, а в 1896 г. учредили должность «епархиального наблюдателя», контролировавшего не только работу церковно-приходских школ, но и состояние религиозного образования во всех русских учебных заведениях региона. В его подчинении находились два штатных окружных «наблюдателя» и два сверхштатных, надзиравших за определенными районами Русского Туркестана. В это же время епархиальный Училищный совет открыл, свои филиалы в местах значительного скопления православных, чтобы координировать деятельность церковно-приходских школ. Однако все эти меры имели малую результативность, преимущественно из-за недостаточного материального обеспечения всей системы православного религиозного образования в крае.

Правительство попыталось внедрить в Туркестане сибирский опыт совмещения функций священника и учителя в так называемых «церквях-школах», неудавшейся по причине противоборства епархиальных властей и Главного инспектора училищ края за право управлять этими учебными заведениями.

Церковно-школьное дело поддерживали и православные братства края. Они нередко финансировали беднейшие школы или открывали начальные учебные заведения. В 1874 г. при Семиреченском православном братстве были учреждены приют и братская школа. Причем, братство продолжало заботиться и о дальнейшем образовании окончивших школу, определяя их на курсы, работу, в ремесленные школы, помогая и средствами и продуктами питания [14]. А Туркестанский комитет православного общества прилагал усилия для восстановления школ, разрушенных во время стихийных бедствий.

В 1913-1914 гг. в Туркестане работало всего две школы грамоты, 90 церковно-приходских, 85 одноклассных и пять двухклассных; в 1916 г. их стало 115. В крае были и школы Министерства просвещения, но их было слишком мало для растущей численности населения.

Хотя церковно-приходские школы уступали по качеству и количеству школам Министерства просвещения, они чаще всего работали там, где Министерство просвещения не имело своих школ.

Об уровне образования в школах, в частности, говорит «Приказ по Туркестанскому краю от 19 июня 1910 г. ЗГ 169», в котором указаны следующие недочеты общие для всех школ: «...Молодые неопытные учителя назначаются в отдаленные места... Физкультурная подготовка плохо поставлена, дети не выполняют требуемые упражнения... Отсутствие учебных пособий... несовершенство педагогического персонала...» [27].

Но были и другие учебные заведения - «Пишпекское женское - классное приходское училище - в очень хорошем состоянии.

Женское приходское одноклассное - в удовлетворительном состоянии» [Там же].

Православное религиозное образование в крае изначально было малоудовлетворительным, во-первых, из-за равнодушия государства и местных властей, а также слабой материально-технической базы церковно-приходских школ; во-вторых, из-за низкой квалификации преподающего духовенства и слабого педагогического энтузиазма священников, не получавших платы за обучение.

Православная церковь в Средней Азии изначально была лишена серьезной государственной поддержки, а потому имела слабую материальную базу, малоквалифицированные кадры духовенства, неразвитую систему религиозного образования и т.п. Позиции Православия ослаблялись влиянием Ислама и антицерковной деятельностью старообрядцев, сектантов и др. Православная церковь ослабляла свои позиции, враждуя с чисто русскими, разрушая тем самым единство русского этноса.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в начале XX в. в Туркестане происходил разрыв исторических, культурных, духовных связей повсеместно, разрушался духовный стержень государства, общества, семьи.

Список литературы

1. Джунушалиева Г. Д. Культурная политика государства в Кыргызстане: этапы и пути реализации (вторая половина XIX в. - конец 30-х гг. XX в.). Бишкек: КРСУ, 2005.
2. Жалменова О. П. Религиозный аспект национальной политики в российском Туркестане конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/islam>
3. Заславский В. Владыка Аркадий // Слово жизни. Ташкент, 1994. № 4. С. 3.
4. Каретникова О. Р. Благотворительная и общественно-просветительская деятельность служителей православной церкви в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1998.
5. Костина Я. В. Религия как социокультурный феномен в истории Кыргызстана (конец XIX - начало XXI веков). Бишкек, 2005.
6. Литвинов П. П. «Кладбищенский вопрос» как фактор религиозной политики царского правительства в Туркестане (по архивным и иным источникам). Елец, 1999.
7. Литвинов П. П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX - начало XX вв.). Елец, 1996.
8. Литвинов П. П. От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX - начало XX вв.) (по архивным материалам). Елец, 1999.
9. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. История Православия в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.kg>
10. Население Кыргызстана. Бишкек: Изд-во Нацстаткомитета Кыргызской Республики, 2004.
11. Озмитель Е. Е. Православие в Киргизии XIX-XX вв.: исторический очерк. Бишкек: КРСУ, 2003.
12. Озмитель Е. Е. Православное образование в Киргизии в имперский период II // XXI-й век - век межкультурного диалога, экономического подъема, духовного возрождения на евразийском пространстве: международный форум, посвященный 125-летию российского образования в Кыргызстане (8-9 декабря 2005 г., г. Бишкек, Кыргызстан): в 4-х т. М.-Бишкек: КРСУ, 2006.
13. Озмитель Е. Е. Храм архистратига Божия Михаила [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.kg>
14. Отчет о деятельности Семиреченского православного братства за 1876, 1877 и 1878 гг. // Туркестанский сборник. Т. 352. С. 174-180.
15. Панкова Т. В. Педагогический потенциал русской этнокультуры в контексте развития современного кыргызстанского общества // XXI-й век - век межкультурного диалога, экономического подъема, духовного возрождения на евразийском пространстве: международный форум, посвященный 125-летию российского образования в Кыргызстане (8-9 декабря 2005 г., г. Бишкек, Кыргызстан): в 4-х т. М.-Бишкек: КРСУ, 2006.
16. Табышалиева А. Вера в Туркестане: очерк истории религий Средней Азии и Казахстана. Бишкек, 1993.
17. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 22; Церковные ведомости. 1908. № 36; Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 5, 7.
18. Туркестанские епархиальные ведомости. 1909. № 19.
19. ЦГА КР. Из обзора Семиреченской области за 1900 г. Ведомость № 22.
20. Там же. Обзор Семиреченской области за 1885 г.
21. Там же. Обзор Семиреченской области за 1888 г.
22. Там же. Обзор Семиреченской области за 1891 г.
23. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.
24. Там же. Ф. И-72. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 160-160 об.
25. Там же. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 9. Л. 50 об.
26. Там же. Ф. И-74. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.
27. Там же. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2. Л. 80 об.

УДК 001

Ирина Юрьевна Бартенева

Государственный университет - Высшая школа экономики

РОЛЬ РУССКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ КЫРГЫЗСТАНА[©]

Кыргызский народ - один из древнейших народов со своей богатой культурной историей. Утерев руническую письменность, которой владели в средневековье, они смогли сохранить свою независимость и свое творческое наследие - эпос «Манас» и другие эпические произведения. В этих творениях народа нашли свое отражение представления о собственной истории, о связях с соседями, о хозяйственном устройстве, нравах и обычаях, о религиозных представлениях, о медицинских, естественных и географических познаниях, которые передавались в устной форме из поколения в поколение. Также следует упомянуть широко известные литературные памятники XI в. - тюркоязычная поэма поэта и мыслителя Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), а также книга тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»). Все эти бесспорно великие творения больше относятся к материальной и духовной культуре, чем к науке.